

СЕРДЦЕ ПРИЧАЛА № 7

НИКАКИХ «ПОЧТИ»

18+

ОСКАР СЕВЕРИН

18+

Оскар Северин

Никаких «почти»

«Автор»

2026

Северин О.

Никаких «почти» / О. Северин — «Автор», 2026

До открытия «Причала 7» — двадцать три дня. Но система безопасности показывает «норму» в тот момент, когда двери старого склада не открываются. Вера Яшина умеет спасать проекты и сообщать плохие новости только тогда, когда решение уже найдено. Независимый инженер Максим Руденко не верит красивым отчётам и не принимает никаких «почти». Им придётся вместе восстановить цепочку чужих решений, выдержать давление инвестора и доказать, какие зоны комплекса действительно безопасны. Чем ближе они подходят к причине сбоя, тем труднее отделить профессиональное уважение от желания. Но выдержит ли их чувство проверки, если каждый снова выберет привычный способ контролировать риск — и перестанет слышать другого?

© Северин О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оскар Северин

Никаких «почти»

Глава 1

Ночная проверка

— Три, два, один. Давайте сигнал.

Вера отпустила кнопку внутренней связи и посмотрела через стекло диспетчерской. За ним пустой атриум казался почти законченным: гладкий бетон пола, тёмные металлические фермы под крышей, новые указатели выходов. Только запах ещё был строительный — пыль, краска и холодная река, тянувшая сыростью из открытого служебного тамбура.

Сначала всё пошло как надо.

Под потолком вспыхнули табло. Сирена коротко взвыла, потом заговорила система оповещения. На схеме нового корпуса один за другим позеленели участки. Вера услышала, как внизу разомкнулись магнитные замки эвакуационных дверей.

Старая складская часть не ответила.

На плане горел красный прямоугольник. Через две секунды он тоже стал зелёным, будто система передумала тревожить людей.

— Стоп, — сказал Максим Руденко.

Он стоял у второго монитора, не повышая голоса, и всё равно его слышали все. Техник убрал руку с клавиатуры. У дверей за стеклом замерли двое монтажников.

— Какой именно стоп? — спросила Вера. — Испытание продолжается по сценарию.

— Уже нет. Завершайте тестовый сценарий. Возвращайте автоматику в дежурный режим и проверяйте вручную, что никто не остался за запёртыми дверями.

— В старом складе людей нет.

Максим повернулся к ней.

— Вы уверены или это входит в сценарий?

Вера не любила вопросы, в которых правильный ответ был известен ещё до того, как человек открыл рот. Особенно если вопрос задавали при всей команде.

— Елена проверяла переключку перед тестом. Уверена.

— Тогда это первая хорошая новость за последние двадцать секунд.

Он нажал кнопку связи с нижней группой:

— Артём, подойди к двери С-четыре. Не дёргай. Только скажи, отпустил ли замок.

В динамике зашуршало.

— Не отпустил, — ответил Артём. — И табло над дверью не горит.

Вера снова посмотрела на зелёный прямоугольник. Ничего невиннее этого цвета она сегодня не видела. Можно было решить, что проверка пройдена и здание пустит людей по нужному маршруту. А человек в коридоре тем временем упёрся бы в запёртую дверь.

— Проверь ручку, — сказал Максим в микрофон. — Без рывка. Обычное усилие на выход.

Артём нажал на нажимную штангу.

— Механически дверь открывается.

— Значит, человек выйдет? — спросила Вера.

— Если дойдёт до этой двери и сможет нажать штангу. Но автоматика должна снять замок, включить табло и направить поток. Сейчас она не сделала ничего из трёх, а пульт сообщил обратное.

— Технически дверь не заперла бы человека внутри.

— Технически мы пока проверили одну створку и одного взрослого мужчину, который знает, что делает. При дыме, толпе или ограниченной подвижности условия будут другими.

Вера нажала кнопку связи.

— Артём, оставь дверь открытой и поставь человека у прохода до конца обхода. Остальные выходы старой зоны проверьте вручную.

— Принял.

Максим взглянул на неё.

— Это правильная временная мера.

— Скажите громче. Здесь очень хорошая акустика.

— Она не делает испытание успешным.

— Вот теперь узнаю вас.

Вера позвала Елену и попросила принести поэтажный план. Пока монтажники обходили двери, она нанесла на него фактическое положение каждого человека. Двое работали ближе к старой зоне, чем показывал список: после начала теста пошли за инструментом. Никто не пересёк закрытую дверь, но переключка до сигнала уже не отражала размещение людей в момент сбоя.

— На следующих испытаниях после переключки никто не перемещается без сообщения, — сказала Вера. — У каждой группы будет наблюдатель с рацией.

— И маршрут для выхода при остановке сценария, — добавил Максим.

— Внесу.

Провал уже менял не только техническую схему. Он показывал, где их собственный порядок был построен на предположении, что люди останутся там, куда их поставили. Вера записала изменение до того, как успела придумать более приятное объяснение.

— Продолжаем по узлам, — сказала она. — Убираем общий сценарий, даём отдельный сигнал на старую часть и смотрим, где он пропадает.

— Нет.

— Максим, за эту ночь мы платим всей монтажной смене. Через час приедет представитель подрядчика, которого мы три дня собирали на площадке. Если сейчас всех распустить, следующего общего окна до понедельника не будет.

— И это по-прежнему дешевле, чем получить красивый журнал испытаний для системы, которая врёт.

— Я не предлагала красивый журнал.

— Вы предложили продолжить испытание после ложного подтверждения. Результаты дальше будут недостоверны: мы не знаем, что осталось в штатном режиме, а что зависло после команды.

Он говорил без торжества, и это раздражало сильнее всего. Если бы Максим наслаждался властью человека, способного сорвать открытие, Вера нашла бы привычный способ разговора. Дала бы ему выговориться, отделила факты от самолюбия, предложила решение. Но он смотрел на экран так, словно ничего, кроме схемы, в комнате не существовало.

Сирена умолкла. В тишине стало слышно, как дождь бьёт по металлическому козырьку.

— Переводим систему в исходное состояние, — сказала Вера. — Артём, обход всех выходов. Елена, повторная переключка. Саша, сохраняйте журналы до перезагрузки.

Максим кивнул, будто и не спорил с ней минуту назад.

— И снимок экрана с зелёной зоной, — добавил он.

— Я знаю, как фиксируют сбой.

— Хорошо.

Одно это слово прозвучало почти как извинение. Почти — потому что Максим сразу отвернулся к технике.

Вера вышла из диспетчерской. В атриуме сирена оставила после себя звенящую пустоту. Под ногами тянулись полосы временной разметки, на стенах висели чехлы поверх ещё не открытых светильников. Через двадцать три дня здесь должны были стоять гости пробного открытия. Не тысячи — двести приглашённых, арендаторы, представители города, журналисты. Двести человек, каждый из которых поверит светящемуся указателю и пойдёт туда, куда ему велят.

У двери С-четыре сидел на корточках Артём Белов. Он приложил ладонь к корпусу электромагнитного замка.

— Питание не снялось, — сказал он. — А по пульту снялось.

— Механика?

— Вручную дверь открывается. Но автоматика команду не получила. Или получила не туда.

Подошла Елена Зорина с планшетом. Обычно собранные в хвост волосы растрепались, на щеке осталась серая полоска от пыли.

— Все на месте. Двадцать один человек. Никого в старой зоне.

— Запиши время обхода и фамилии, — распорядилась Вера. — Утром соберём штаб в восемь. Сейчас никто не делает выводов в общих чатах.

Елена помедлила.

— А арендаторам что написать? Они ждут результат.

— Напиши: интеграционное испытание остановлено после обнаружения несогласованной работы одной зоны. Утром сообщим план повторной проверки.

— «Несогласованная работа»? — Максим подошёл бесшумно, хотя на нём были тяжёлые рабочие ботинки. — Замок не открылся.

— Вы предлагаете отправить в половине второго ночи сообщение: «Пожарная система не выпустила воображаемых людей со склада»?

— Предлагаю не прятать факт за словами.

— Факт ещё нужно проверить. Не сработал один элемент в тестовом сценарии. Причина неизвестна.

— И зелёное подтверждение было ложным.

Елена переводила взгляд с одного на другую. Вера подавила желание попросить её отойти. Нельзя учить людей прозрачности, оставляя неудобные разговоры только для закрытых комнат.

— Хорошо, — сказала она. — «Испытание остановлено: замок эвакуационной двери в старой зоне не получил команду на разблокировку, а пульт показал её выполнение. До выяснения причин внутренние мероприятия не проводятся». Так точно?

— Да.

— Тогда отправляй, Лена.

Елена быстро набрала текст. Её большой палец застыл над экраном.

— Всем арендаторам?

Вера посмотрела на красную лампу над дверью. Она не горела. Лампа должна была сообщать, что замок обесточен, но сейчас молчала честнее зелёного прямоугольника на пульте.

— Всем.

Сообщение ушло. Почти сразу телефон Веры завибрировал.

Павел Громов. Представитель инвестора, любитель звонить именно в ту минуту, когда любой ответ мог стать ошибкой.

Вера отклонила вызов и написала: «Фиксируем данные. Подробности на штабе в восемь».

— Он будет здесь раньше, — заметила Елена.

— Разумеется. Чтобы мы не скучали.

Максим уже вернулся к двери. Он попросил Артёма снять крышку контрольного блока и сверял маркировку проводов с распечатанной схемой. Вера подошла ближе.

— На сегодня вы закончили? — спросила она.

— Испытание — да. Осмотр — нет.

— Что ищите?

Он протянул ей схему, ткнул пальцем в обозначение линии.

— По документу эта дверь и световое табло получают команду от одного модуля. Фактически табло не включилось, замок не отпустил, но пульт подтвердил оба действия. Либо обратная связь заведена не с тех контактов, либо схема устарела.

— Исполнительные чертежи обновляли в пятницу.

— Это дата в штампе. Я спросил, соответствует ли схема тому, что смонтировано.

— Подрядчик подтвердил.

— Кто именно?

Вера открыла папку в планшете. Подтверждение было. Электронное письмо, перечень листов, подпись руководителя участка. Она пролистала вложения и остановилась.

На плане кабель шёл вдоль северной балки. В фотоотчёте двухнедельной давности он уходил к южной стене, потому что под северной балкой уже установили направляющие декоративного потолка.

Максим заметил разницу одновременно с ней.

— Вот поэтому утром я хочу видеть все изменения, — сказал он. — Не сводку. Не презентацию. Всё, начиная с первого переноса трассы.

— Получите.

— И до этого момента дата открытия не существует.

Вера закрыла папку.

— Дата существует. Вопрос в том, какие зоны мы успеем безопасно открыть.

— Тогда утром докажете.

Он не угрожал. Просто обозначил следующий шаг, как ставил номер на чертеже.

Вера снова посмотрела через стекло диспетчерской. На мониторе старая зона была серой: техник завершил тестовый сценарий. Честный цвет неизвестности.

К восьми утра ей требовался план, которого пока не было.

Глава 2

Никаких «почти»

Максим пришёл в переговорную за десять минут до начала и обнаружил, что Вера уже переставляет карточки на настенной доске.

Она сняла с верхней строки «Пробное открытие — 26 сентября», разделила лист на три части и написала: «двор», «мастерские», «внутренний зал». Под каждой колонкой появились отдельные сроки и ответственные.

— Дата всё-таки существует, — сказал Максим.

Вера не обернулась.

— Я не собираюсь каждое утро уступать вам один и тот же спор. Это утомительно и неэкономно.

— Мы спорили один раз.

— Тем более не стоит превращать это в традицию.

На столе перед ней лежали четыре папки, ноутбук и чашка кофе, к которому она явно не притронулась. На тёмном пиджаке не было ни пылинки, хотя ночью Вера провела в здании почти до четырёх. Максим успел съездить домой, принять душ и два часа поспать. Судя по её слишком точным движениям, она не уезжала вовсе.

— Сколько вы спали? — спросил он.

— Это относится к пожарной безопасности?

— К качеству решений.

— Тогда запишите: достаточно, чтобы отличить двор от зала.

Она повернулась. Под глазами лежали тени, но взгляд был ясный и недовольный. Максим не стал продолжать. Человек, который не хочет заботы, слышит в ней контроль. По крайней мере, сейчас.

В комнату вошла Надежда Баранова, представитель совета арендаторов. За ней — Елена с термосом, Артём и двое руководителей подрядных организаций. Павел Громов появился последним. Снял пальто, отдал его Елене, будто она была секретарём, и сразу подошёл к доске.

— Что это?

— Разделение зон, — ответила Вера. — Пока рабочая версия.

— У нас открытие комплекса, а не ярмарка во дворе.

— У нас испытание, которое комплекс не прошёл.

— Не прошёл один замок.

Максим открыл журнал ночной проверки.

— Не сработала команда на замок, не включилось табло, а система подтвердила оба действия. Мы не знаем, ограничен ли сбой одной дверью.

— Но допускаете?

— Допускаю много версий. Ни одну не считаю основанием впустить людей.

Громов опустил в кресло и сцепил руки на животе.

— Вам платят за то, чтобы объект соответствовал требованиям, Руденко. Запретить всё умеет любой человек с печатью.

— У меня нет права запрещать вам хозяйственную деятельность. У меня есть обязанность написать достоверное заключение. Сейчас оно будет отрицательным.

— Пока не пишите.

— Я сам определяю содержание своего заключения.

Вера положила перед Громовым два листа.

— И мой договор тоже не даёт вам права менять профессиональные выводы. Вы наняли меня управлять сроками и взаимодействием сторон, а не подписывать удобные версии. У совета отдельный договор с Максимом, у меня — отдельный. Ни он мне не начальник, ни я ему.

Надежда Баранова подняла ладонь.

— Пожалуйста, оставим юридический танец тем, кто его любит. Меня интересует, смогут ли арендаторы открыть хотя бы мастерские двадцать шестого числа.

— Смогут, если отдельные зоны будут физически изолированы и каждая пройдёт полный тест, — сказал Максим.

Вера указала на доску.

— Поэтому я разделила объект. До вечера мы восстанавливаем журнал изменений. Завтра проверяем фактическую кабельную трассу старой зоны. Дальше — поэтапные испытания без демонстрационного режима. Двор и мастерские могут получить собственный маршрут допуска.

— «Могут» — это не дата, — отрезал Громов.

— Это слово точнее, чем «откроются», — сказал Максим.

— Вы двое нашли друг друга.

Вера усмехнулась без веселья.

— Мне тридцать три, Павел Сергеевич. В этом возрасте фраза «нашли друг друга» уже не заменяет доводы. Что именно в плане вас не устраивает?

— Меня не устраивает ваш молодой антикризисный азарт. Вы готовы разрезать объект на куски, лишь бы показать, что управляете ситуацией.

— А мне тридцать восемь, — сказал Максим. — И меня тоже поздно воспитывать намёками. Скажите прямо: вы хотите провести людей в здание до проверки?

Громов посмотрел на него долго, с подчёркнутым терпением.

— Я хочу, чтобы специалисты нашли решение, а не причину снять с себя ответственность.

— Тогда мы хотим одного и того же, — ответил Максим. — Только ответственность не снимают красивым обещанием.

Елена поставила на стол термос. Крышка звякнула громче, чем следовало, и все на секунду замолчали.

Надежда перелистнула распечатку.

— Три недели, — сказала она. — Каждый день в девять вечера совет получает сводку: что проверено, что не проверено, какой следующий шаг. Без версий, которые нельзя подтвердить. Двадцать второго числа решаем, какие зоны можно открывать. Если никакие — переносим всё.

Громов качнул головой.

— Совет не покрывает стоимость переноса.

— Совет представляет людей, которые уже вложили деньги и не хотят принимать посетителей вслепую.

— А инвестор представляет деньги, без которых здесь будут прекрасные безопасные стены и ни одного работающего бизнеса.

Вера не дала спору разрастись.

— Источник финансирования — отдельный вопрос. Сегодня нам нужны документы. Я получу у генподрядчика все версии схем и переписку по изменениям. Елена восстановит календарь доступа. Артём проверит, какие участки потолка можно открыть без разрушения готовой отделки. Максим составит последовательность тестов.

— Составлю после того, как увижу фактические изменения.

— Предварительную последовательность, — уточнила Вера. — Иначе вечером нам нечего будет сверять.

Он посмотрел на доску. У каждого пункта стоял срок и фамилия, кроме его колонки.

— До четырёх, — сказал Максим.

— До трёх.

— В четыре будет документ, которому я доверяю. В три могу прислать пустую таблицу.

— В половине четвёртого.

— Хорошо.

Громов фыркнул.

— Наблюдать за этим, конечно, увлекательно. Но двадцать шестого у нас будут журналисты.

— Пока у нас есть люди, которые работают в здании сегодня, — сказал Максим. — Начнём с них.

Штаб закончился без согласия, но с планом. Для Максима это было лучше, чем согласие без плана.

В коридоре его задержала Надежда Баранова.

— Вы ведь понимаете, что совет может пригласить другого специалиста? — спросила она. — Не такого... непримиримого.

— Понимаю.

— И вас это не удержит от отрицательного заключения?

— Нет.

Надежда устало потёрла переносицу.

— У меня во дворе восемнадцать арендаторов. Кто-то заложил квартиру, кто-то набрал сотрудников. Полная остановка для них не отвлечённая безопасность, а вполне реальный долг.

— Поэтому я предложил проверять зоны отдельно.

— Но гарантировать четыре мастерские не можете.

— Пока нет.

— С вами тяжело.

— Знаю.

— А с Верой тяжело по-другому. Она приносит решение так быстро, что не успеваешь спросить, что было до него.

Максим посмотрел через стеклянную дверь переговорной. Вера стояла спиной, держала маркер у доски и не торопилась вернуть дату на место.

— Поэтому совет нанял нас обоих? — спросил он.

— Совет нанял её, чтобы комплекс вообще открылся. Вас — чтобы после открытия никто не пожалел, что вошёл. И у каждого есть право уйти, если условия не устраивают. Вы не обязаны спасать наши вложения ценой своей подписи.

— Это я понял из договора.

— Договоры читают не все.

— В этом здании я уже не удивляюсь.

Надежда впервые улыбнулась.

— Не превращайте её в противника, Руденко. Вера будет спорить до последней запятой, но если увидит факт, работает с ним.

— Я не выбираю противников.

— Иногда выбираете, просто называете это проверкой.

Она ушла. Максим не любил, когда ему объясняли людей, словно без подсказки он видел только схему. Но слова Надежды остались. Независимость означала не только право не уступать. Она означала возможность уйти, которую и он, и Вера пока не использовали.

Когда остальные разошлись, Вера осталась у доски. Она вернула карточку с датой в верхний угол, но не соединяла её стрелкой ни с одной зоной.

— Вы действительно не собираетесь показывать мне неподтверждённые версии? — спросил Максим.

— Я собираюсь показывать вам всё, что влияет на вашу работу.

— Это не ответ.

— Это точный ответ. Слух монтажника о том, что Громов лично резал кабель ножницами, вам не поможет.

— А письмо о переносе трассы?

Её пальцы задержались на кнопке маркера.

— Если найду — получите.

— Независимо от того, чья там подпись?

Теперь она посмотрела прямо на него.

— Особенно если моя.

Максим кивнул. Он привык считать обещание лишь началом проверки, но в её голосе не было ни раздражённой бравады, ни просьбы поверить заранее.

— В половине четвёртого, — напомнила Вера.

— Я помню.

— И, Максим...

Он остановился в дверях.

— Ночью вы были правы. Испытание надо было прервать.

Ей явно не нравилось произносить эти слова. Тем весомее они были.

— Я знаю, — сказал он и вышел прежде, чем её выражение лица заставило бы добавить что-нибудь мягче.

У него оставалось семь часов, чтобы вместо одного запрета предложить порядок исправления, где каждый результат можно проверить.

Глава 3

Пропавший вечер

— Вот эта версия появилась в субботу в шесть сорок утра, — сказала Елена. — А предыдущую выгрузили в пятницу в девять пятнадцать вечера.

Вера поставила рядом два плана. Между ними лежали одиннадцать часов, четыре метра перенесённого кабеля и отсутствие любого документа, объяснявшего, кто согласовал изменение.

Они заняли маленькую комнату бывшей весовой. На стенах сохранилась белая плитка, под окном стоял старый сейф, который никто не сумел вывезти. С утра сюда принесли принтер, две коробки с папками и чайник. Бумага нагрелась и пахла сильнее холодного кофе.

— Кто был на площадке вечером? — спросила Вера.

Елена открыла календарь доступа.

— Светотехники, потолочники, дежурный электрик. Громов приехал в двадцать два десять. Уехал в двадцать три сорок. Генподрядчик прислал сообщение, что северная трасса мешает направляющим. Потом тишина до утра.

— А утром кабель уже на юге.

— Да.

Вера перелистнула журнал решений. Формально процедура выглядела безупречно: описание изменений, ответственное лицо, оценка влияния, повторная проверка смежных систем. Только запись о переносе отсутствовала.

Ниже, на странице с общими сроками, стояла её электронная подпись.

«Допускается согласование изменений по электронной почте без общего совещания при условии последующего внесения в исполнительную документацию».

Она сама предложила эту формулировку две недели назад, когда каждая мелочь ждала общего созвона по двое суток. Решение сэкономило неделю. Или сделало вид, что сэкономило.

— Нашла? — спросила Елена.

— Нашла свою попытку ускорить неизбежное.

— Ты же не разрешала менять трассу без проекта.

— Я разрешила согласовывать по почте и заносить потом. Если письма нет или его никто не приложил, порядок не сработал.

— Это не значит, что виновата ты.

— Мы пока вообще не ищем виноватого.

— Ты именно так говоришь, когда уже выбрала виноватой себя.

Вера закрыла журнал.

— Я именно так говорю, когда мне нужны факты. Проверь резервные копии почты генподрядчика. И личный ящик Павла, если он даст доступ.

— Не даст.

— Тогда попроси официально, чтобы отказ тоже остался в переписке.

Елена взяла планшет, но не ушла.

— Максиму показать эту подпись?

— Покажем весь пакет, когда поймём, относится ли она к переносу.

— Он спросил все версии.

— И получит все версии. Я не буду приносить ему одну строку без письма, схемы и последовательности событий. Иначе вместо расследования мы будем полдня обсуждать мою подпись.

Сказано было разумно. Настолько разумно, что Вера сразу услышала в собственном голосе привычную ловушку: сначала собрать ответ, потом сообщить проблему. Разве не за это Максим злился ещё ночью?

Телефон не дал ей закончить мысль. На экране высветилось имя Громова.

— Вы нашли подрядчика, который всё испортил? — спросил он вместо приветствия.

— Нет. Нашли незарегистрированный перенос кабельной трассы.

— Значит, виноваты электрики.

— Значит, нужно найти решение о переносе.

— Вера, не усложняйте. Рабочий передвинул кабель, мастер не отметил. Такое происходит на каждом объекте. Меняем участок, повторяем тест, идём дальше.

— Пульт показал исполнение команды, которой не было. Перенос кабеля этого не объясняет.

— Руденко уже заразил вас своей любовью к катастрофам?

— Максим не любит катастрофы. Он любит, когда дверь открывается после команды открыть дверь. Трудно спорить с таким капризом.

На том конце повисла пауза.

— Вы становитесь остроумной в неподходящий момент.

— Это экономит время на более длинные ответы. Вы были на площадке вечером перед переносом?

— Заезжал посмотреть потолок.

— Кто принял решение закрывать секции до сквозной проверки?

— Они должны были быть закрыты к съёмке.

— Я спросила, кто принял решение.

— Мы обсуждали график с генподрядчиком. Не превращайте обычную производственную корректировку в следствие.

— Пришлите переписку за тот вечер.

— Там коммерческие условия.

— Удалите суммы. Мне нужны технические распоряжения.

— Сначала покажите, что это действительно связано со сбоем.

Он отключился.

Елена стояла у двери и держала планшет так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Отказ зафиксирован? — спросила Вера.

— Прямо сейчас отправлю письмо.

— Без оценок. Только просьба предоставить техническую переписку и его ответ.

— Поняла.

Через полчаса Елена привела дежурного электрика, который работал в ту пятницу. Сергей вошёл в комнату весовой, не снимая куртки, и остался у двери.

— Мне сказали, вы ищете, кто переносил линию, — произнёс он. — Я не переносил. Я только снимал питание.

— Во сколько? — спросила Вера.

— После десяти.

— Точнее.

Он достал телефон и открыл старые сообщения.

— В двадцать два сорок восемь написал сменщику, что третий шкаф обесточен. В двадцать три тридцать семь подал питание обратно.

— Кто находился у шкафа?

— Монтажники генподрядчика и парень от светотехников. Ещё Павел Сергеевич приходил, ругался, что потолочники стоят.

— Что именно говорил?

Сергей пожал плечами.

— Чтобы закрывали секцию. Что проверку сделают через программу, всё равно оборудование новое.

Елена быстро записывала.

— Вы готовы повторить это письменно? — спросила Вера.

Сергей посмотрел на неё настороженно.

— Меня потом крайним не сделают?

У красивой версии появилось лицо: мужчина боялся потерять работу за точный рассказ о той ночи.

— Я не могу обещать, как поведёт себя ваш работодатель, — ответила Вера. — Но ваше объяснение будет приложено целиком. Я не изменю формулировки без согласования с вами. И отдельно укажу, что решение о переносе вы не принимали.

— А если не напишу?

— Мы продолжим по документам и фотографиям. Давить не буду.

Сергей подумал и сел за стол.

— Давайте бумагу.

Он писал медленно, останавливаясь после каждой строки. Вера не подсказывала. В конце Сергей добавил, что не видел повторной проверки после подачи питания. Подписал, сфотографировал заявление для себя и только тогда отдал Елене.

— Спасибо, — сказала Вера.

— Если найдёте, кто номера клемм поменял, скажите. Я утром увидел новую бирку и решил, что проектировщик велел.

— Скажем всей группе.

После его ухода Елена закрыла дверь.

— Громов назовёт это мстью рабочего.

— Поэтому показание не будет единственным доказательством. Нам нужны письма, фотографии и фактическая схема. Но теперь время отключения известно до минуты.

Они нанесли его на шкалу. Пропавший вечер переставал быть тёмным пятном: появлялись последовательные действия, каждое с человеком и временем.

Вера вернулась к планам. Если кабель перенесли на юг, он проходил рядом с коробкой, где во время монтажа проверяли линии пожарной автоматики. Пока замки и клапаны ещё не были подключены, монтажники временно соединяли управляющий контакт с входом обратной связи: так можно было убедиться, что кабель и шкаф видят команду. Перед сквозным испытанием эту перемычку следовало снять, а обратную связь завести от настоящих устройств.

«Должны были» — самые дорогие два слова любого проекта.

Она нашла фото закрытого потолка. В углу снимка виднелась синяя бирка на кабеле: дата монтажа — суббота, четыре утра. Рядом шёл чёрный провод без бирки, уходивший за обшивку.

— Лена, кто фотографировал?

— Артём. Он принимал металлоконструкции.

Вера набрала его номер.

— Ты видел, куда уходил чёрный кабель рядом с линией С?

— Временно к монтажной коробке, — ответил Артём. — Там линии прозванивали до установки дверей. Потом потолочники закрыли секцию. Я думал, электрики всё убрали.

— Кто попросил закрыть?

— Их мастер сказал, что сверху торопят. Имя не называл.

— Секцию можно открыть?

— Можно всё. Вопрос, сколько после этого переделывать.

— Посчитай минимальный доступ и цену. До двух.

Она отключилась. На часах было без четверти двенадцать.

До встречи с Максимом оставалось меньше четырёх часов. Вера могла показать ему подпись сейчас. Могла дожидаться письма, которое свяжет решение с конкретной трассой. Второе было правильнее для расследования и удобнее для неё.

Именно поэтому она выбрала второе.

В половине четвёртого Максим получил пакет из девяти документов, двух фотографий и таблицы расхождений. Страница с подписью Веры лежала в середине, не спрятанная, но и не отмеченная отдельно.

Он пролистал первые листы, остановился на фото.

— Чёрный провод?

— Временная линия проверки. Возможно, она всё ещё соединяет команду и подтверждение.

— Возможно?

— Секцию откроем завтра утром. Артём уже составил план доступа.

Максим перевернул ещё страницу и нашёл её подпись.

Вера приготовилась к вопросу.

Он прочитал формулировку дважды и спросил:

— Где письма, которыми разрешали согласовывать изменения?

— Ищем. Громов отказался дать свою переписку без доказанной связи.

— А генподрядчик?

— Восстанавливает архив.

— Почему вы не отметили эту страницу в сводке рисков?

— Потому что пока не доказано, что перенос согласовывали по этому порядку.

— Но доказано, что порядок позволял внести изменение до общей проверки.

— Позволял согласовать его письменно. Не позволял забыть.

— Я не сказал, что вы разрешили забыть.

Она закрыла папку резче, чем хотела.

— Тогда сформулируйте вопрос.

— Почему вы решили за меня, какая часть документа важна для моей работы?

Вера смотрела на него и знала ответ. Потому что подпись без контекста меняла бы его отношение к ней раньше, чем факты. Потому что однажды она уже видела, как предварительная версия уничтожает доверие быстрее, чем успевает появиться точная. Потому что быть источником проблемы ей было страшнее, чем самой себе хотелось признавать.

— Я дала вам документ целиком, — сказала она. — И таблицу того, что подтверждено. Если хотите добавить риск — добавляйте.

Максим не стал спорить.

— Добавлю.

Он вписал строку: «Сокращённый порядок согласования изменений. Необходимо проверить полноту последующего контроля».

Не «ошибка Веры». Не «нарушение». Просто точный риск.

От этого ей стало ещё неуютнее.

— Завтра в восемь у потолка, — сказала она.

— В семь тридцать. До прихода основной смены.

— Вы умеете соглашаться хотя бы иногда?

— Да. Когда время указано верно.

Вера чуть не улыбнулась и рассердилась на себя за это.

За обшивкой их ждала линия, которой не было ни на одном утверждённом плане.

Глава 4

За обшивкой

— Если застрянете, не пытайтесь развернуться, — предупредил Артём. — Ползите назад. Максим посмотрел в открытый технический проход. Между фермой и верхней частью стены оставалось пространство примерно в ширину плеч. С одной стороны тянулись кабельные лотки, с другой выступали края креплений. Пыли там было столько, будто бывший склад мстил за реконструкцию.

— Я пойду первым, — сказал он.

— Нет, — ответила Вера, затягивая ремешок каски. — На развилке вы не отличите пятничную трассу от субботней. Маркировку меняли по строительному графику, которого у вас нет.

— Покажете на схеме.

— Схема не соответствует монтажу. Вы сами повторяете это с ночи.

Артём отвернулся, пряча улыбку.

Максим протянул Вере фонарь.

— Тогда вы первая. Если скажете, что можете пролезть.

— Я уже сказала.

— Нет. Вы сказали, что мне нельзя идти первым.

Она взяла фонарь.

— Могу. И хочу закончить до того, как сюда придут двадцать любопытных человек.

— Теперь ответ полный.

Вера посмотрела на него поверх края каски.

— Представляю, как легко с вами было спорить и раньше.

— Не относится к проверке.

— Значит, неудобным.

Она легла на настил и первой двинулась в проход.

Максим подождал, пока между ними появится достаточное расстояние. Ему нравилась её манера обходиться без поблажек. Тесный коридор всё равно ничего не доказывал о выносливости. Перед входом он ещё раз проверил снятое питание и убедился, что Артём остаётся у люка.

Внутри пахло металлом и сухой пылью. Свет фонаря выхватывал бирки: белые старые, жёлтые новые, одна синяя на линии, которую они искали.

— Остановка, — сказала Вера впереди.

Максим замер.

— Что у вас?

— Синяя бирка. Дальше кабель уходит вниз, но по графику в субботу его должны были вести прямо.

— Можете посветить на крепление?

Луч скользнул по стене. На металле остались две группы отверстий: старые на северном кронштейне и свежие ниже, возле лотка освещения.

— Перенесли после установки направляющих, — сказал Максим. — Видите необработанный край?

— Вижу. И ещё одну стяжку без маркировки.

Она потянулась фонарём дальше. Край куртки задрался, зацепившись за болт. Максим отвёл взгляд к кабелю, хотя смотреть в тесном проходе было почти некуда.

— Не двигайтесь, — сказал он.

Вера застыла.

— Почему?

— Куртка зацепилась справа. Я могу снять ткань с болта?

— Можете.

Он дотянулся, осторожно освободил плотную ткань и сразу убрал руку.

— Готово.

— Спасибо.

Никакой шутки. Это почему-то оказалось заметнее обычной иронии.

Через полтора метра кабель действительно ушёл вниз, к шкафу автоматики. Рядом висела небольшая соединительная коробка, новая и слишком чистая для старой стены.

— Вот её на фото не было, — сказала Вера.

— Не трогаем. Сначала снимки и маркировка.

Она достала телефон, сфотографировала общий вид и каждое подключение. Максим продиктовал номера. Один провод был отмечен как обратная связь от устройств старого склада, второй — как временная монтажная перемычка. Обе метки сходились в коробке.

— Кабели физически целы, — сказал он. — Если внутри оставили перемычку или перепутали контакты, пульт получает свою же команду вместо ответа замка.

— А ложное подтверждение?

— Может приходить по временной линии. Коробку откроем с электриком и проверим каждый контакт. Пока это версия.

Максим попросил Веру продиктовать номера бирок ещё раз, теперь в обратном порядке. Не из недоверия к ней — так проще было поймать случайную перестановку цифр. Она прочитала без ошибки, потом сама заметила, что на одном хомуте остался обрезок прежней синей метки.

— Здесь было два кабеля, — сказала Вера. — Старый сняли, новый положили в тот же лоток.

— Почему решили?

— Хомут затянут поверх пыли, а под обрезком поверхность чистая. Его переставляли после основных работ.

Максим посветил сбоку. Она была права. На металлической полке виднелся узкий чистый след, не совпадавший с нынешней линией.

— Хорошее наблюдение.

— Можете произнести ещё раз? В рации были помехи.

— Вы меня слышали.

— Но хочется закрепить положительный результат.

— Вера.

— Молчу.

Они отмерили расстояние до шкафа и сверили его со спецификацией. Новый путь оказался короче на четыре метра, однако в накладной значилась прежняя длина. Значит, кабель не заказывали заново: взяли имеющийся отрезок, а бирку с номерами клемм сменили прямо на площадке. Эта деталь сужала круг людей, которые могли выполнить работу той ночью, и подтверждала слова Сергея.

— Если бы мы смотрели только утверждённый план, коробку никто бы не искал, — сказала Вера.

— Поэтому исполнительная документация должна отражать монтаж.

— Я не спорю. Просто впервые понимаю, почему вы носите с собой рулетку даже в переговорную.

— В переговорах тоже полезно знать реальное расстояние между позициями.

— Это была метафора?

Максим помолчал.

— Нет.

Она рассмеялась так, что фонарь дрогнул. Свет скользнул по коробке и на мгновение выхватил маленькую белую наклейку с датой установки. Вера снова приблизила телефон.

— Четыре утра субботы, — сказала она. — Теперь у нас есть не только фотография после закрытия. Есть метка на самом оборудовании.

— Если её не переклеили.

— Вы испортили момент.

— Зато мы проверим серийный номер по накладной.

Вера записала номер. Улика родилась из её внимания, следующий способ проверки — из его привычки сомневаться. По отдельности каждый из них остановился бы на половине пути.

— Надо же. Вы знаете это слово.

— Я знаю много слов. Просто не все полезны.

Она тихо рассмеялась, и в узком металлическом проходе звук оказался слишком близким.

На обратном пути Вера всё-таки застряла: каска упёрлась в нижний край фермы, ремешок зацепился за выступ.

— Не двигайтесь, — снова сказал Максим.

— Если вы сейчас напомним совет Артёма, я проведу здесь остаток дня из принципа.

— Не сомневаюсь. Наклоните голову влево.

— Там лоток.

— На три сантиметра. Потом назад.

Она сделала, как он сказал. Ремешок освободился.

— Можно.

— Вы считали сантиметры?

— На глаз.

— Очень успокаивает.

— Я не обещал успокаивать.

Когда они выбрались, Артём протянул им влажные салфетки. На щеке Веры лежала серая полоса, волосы выбились из-под каски. Она села прямо на деревянный ящик и вытянула ноги.

— Через месяц здесь собирались повесить табличку «пространство нового города», — сказала она. — Хорошо бы мелко добавить: «создано людьми, которые ползали в пыли».

— Люди редко хотят знать, что скрывается за красивой отделкой.

— Вы хотите.

Максим вытер руки.

— Мне за это платят.

— Только поэтому?

Вопрос был личным ровно настолько, чтобы можно было отступить. Вера умела оставлять себе выход даже из простой фразы.

— Нет, — ответил он. — Но остальные причины длиннее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.